

АБАЙ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПУШКИНСКИХ МОТИВОВ И СЮЖЕТОВ

Отношение Абая к личности и творчеству А.С. Пушкина интересует не одно поколение казахстанских исследователей. К настоящему времени выявлено множество фактов обращения казахского поэта к русской литературе, в первую очередь, к А.С. Пушкину, однако эту тему нельзя считать до конца исчерпанной, что позволяет предложить нам свою интерпретацию данной проблемы. Установленный абаеоведами в результате тщательных поисков круг чтения Абая поражает широтой диапазона: Пушкин, Лермонтов, Крылов, Дельвиг, Тургенев, Гоголь, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Л. Толстой, Белинский, Чернышевский, Некрасов, Писарев, Полонский, И. Бунин... А.С. Пушкина обычно ставят на второе место по степени влияния на Абая, предпочитая говорить о первенстве М.Ю. Лермонтова в эстетическом становлении казахского поэта. Но тем не менее общеизвестно, что пушкинская поэзия была частью духовного мира Абая, постоянно присутствовала в его сознании и играла большую роль в становлении абаевской поэтики. М.О. Ауэзов, проделавший огромную и трудную работу по определению первоисточников того или иного абаевского вольного «пересказа» или переложения, считает, что Абай крайне редко использовал прямую прямую апелляцию к имени и сюжетам русского поэта или цитирование его художественного текста. Процесс переключки, созвучия осуществлялся по-восточному сложно: через творческое переосмысление «чужой» мысли, в иной поэтической форме, чаще образно-метафорически. В этом ракурсе определенный интерес представляет одно из известных стихотворений Абая «Адамның кейбір кездері», написанное в 1886 году (к сожалению, в переводе Л. Пеньковского оно потеряло первоначальный смысл, другие переводы на русский язык, с нашей точки зрения, также желают оставлять лучшего, поэтому в ходе интерпретации предпочтительно обращение к абаевскому оригиналу).

80-е годы в жизни и творчестве Абая – период интенсивной общественной деятельности и поэтического вдохновения; поэт, несмотря на разочарования и потери, занимается подготовкой важных для казахов документов, избирается на чрезвычайном съезде биев на должность, ведет активную переписку с семипалатинскими политссылными Михаэлисом, Долгополовым, Леонтьевым и в то же время в кругу семьи, рядом с любимой женщиной серьезно и основательно занимается литературой. Неслучайно авторитетные исследователи его творчества Г. Мусрепов, З. Ахметов, Г. Бельгер, обращавшиеся к проблеме творческих связей казахского поэта и русских писателей и поэтов, отмечают сходство и созвучие этого стихотворения и лирики Пушкина и Лермонтова. Так, академик З.А. Ахметов, утверждал, что Абай в свободной форме изложил содержание отрывка произведения М.Ю. Лермонтова «Журналист, читатель и писатель»: «Абайдың осы өленіндегі ақын бейнесі, ақындық шабытты шабытты сүреттеуімен А.С. Пушкиннің «Ақын» атты өленіндегі ақынның шабыттанып,

толғанған сәтін сипаттауы үндес келетіні айтылып келеді. Ал, асылында, бір тақырыпқа жазылынған ұлы ақындардың өлендерінде бірлі-жарым ұқсастық кездесе беретіні түсінікті. Кейбір сырттай ұқсастықтар, тіпті жекеленген сөздердің мәндес келуі, әрине, тікелей жақындықты білдірмейді. Басқа бір шығарманың құнын кеміте алмайды. Осыны толтырақ ескере отырып, «Адамның кейбір кездері» ешқандай да басқа өлен емес, М.Ю. Лермонтовтың «Журналист, читатель и писатель» атты шығармасымен, сондағы жазышының сөзімен сарындас келеді» [1, 61].

Для доказательства приведем лермонтовские строки:

... Бывает время,
Когда забот спадает бремя,
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна во след другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва;
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг низжуются слова...

[2, 308].

Заки Ахметов сравнил их с первыми тремя строфами стихотворения Абая:

*Адамның кейбір кездері
Көңілде алаң басылса;
Тәңірінің берген өнері
Көк бұлыттан ашылса;
Сылдырлап өңкей келісім
Тас бұлақтың суындай,
Кірлеген жүрек өзі ішін
Тұра алмас әсте жуынбай.
Тәңірінің күні жарқырап,
Ұйқыдан көңіл ашар кез.
Қуатты ойдан бас құрап,
Еркеленіп шығар сөз.*

[3, 175].

Ученый пришел к заключению, что эти сопоставляемые отрывки схожи и по содержанию, и по структуре синтаксических конструкций («мағнасы жағынан да әбден сәйкес, кейбір сөйлемдері де дәлме-дәл» [1,61]). Не оспаривая гипотезу З. Ахметова о творческом использовании Абаем «чужого текста», хотелось бы рассмотреть на примере этого стихотворения созвучие абаевских и пушкинских мотивов и сюжетов о поэте и его предназначении.

Пушкинское понимание своего высокого предназначение как поэта нашло полное воплощение в лирике 1826-1836 годов: «Пророк», «Поэт», «Поэт и толпа», «Поэту», «Я памятник себе воздвиг...». Есть неоспоримые

свидетельства внимательного знакомства и переосмысления их содержания Абаем, что, несомненно, оказало влияние на формирование его эстетического идеала о поэте. Лейтмотивом стихов русского поэта является мотив высокого назначения поэта, служителя красоты, в минуты вдохновения равного божеству, одинокого во враждебном ему мире, где «меж детей ничтожных мира <...> ничтожней он» [4, 104]. В философских медитациях-толғау Абая пушкинское отношение к Поэту, к его возможностям преломляется сквозь восточную ментальность. Через Пушкина можно провести связь казахского поэта с Рылеевым, утверждавшим в оде «Державин», что «...нет выше ничего Предназначения поэта...», и оправдать свое предположение опять-таки обращением к Пушкину, считавшему возможным «*сладостный союз поэтов*»: «они жрецы единых муз». Возможно, увиденные сходства не являются реминисценциями в привычном толковании этого поэтического приема, но, тем не менее, в таком качестве они позволяют проследить мысли поэта, понять его замысел, обнаружить если не внутреннюю полемику, то переосмысление Абаем этой вечной темы, сообразно своим вкусам и восточному воспитанию.

В анализируемом произведении Абая уже в начальной строфе выражена основная мысль: «*Тәңірінің берген өнері / Көк бұлыттан ашылса*» («когда раскроется дарованный небесами талант, произойдет чудо» (перевод – Э.К.), что вызывает ассоциации с пушкинским «божественным глаголом». Понятно, что здесь реализуется мотив божественного дара, высокого происхождения искусства слова. Думается, Пушкин близок Абаю именно тем, что Абай, как и его предшественник, был поэтом, во многом опередившим свое время. К тому же нужно иметь в виду, что в казахской мифологии көк имеет сакральный смысл. Это не просто обозначение небес, а особое бескрайнее пространство, высокое состояние духа, внеземное и таинственное. В силу этого оно прекрасное и величественное, несоизмеримое с человеком и неподвластное ему.

Именно эти характеристики: трансцендентность, непостижимость и превосходство над всем земным - подчеркнуты Абаем. Искусство, дарованное ему Творцом (*Тәңірінің берген өнері*), преображает поэта. Здесь сходны не только общее настроение, но и образы, ситуации, в которых показан процесс рождения поэта. У Пушкина поэт до призыва Бога пребывает в состоянии «хладного сна», «клонит» голову перед «суетным светом», но очищается от забот «суетного света» для священного служения словом делу. О прежней жизни абаевского героя до наступления такого мига («*кейбір кездері*») ничего не известно, оно не заслуживает упоминания, и это умолчание можно рассматривать как поэтический прием для создания сюжета о поворотном событии в его судьбе.

Абаевский герой так же, как и пушкинский пророк, только после того, как на него нисходит с небес посланное самим творцом благо, способен на многое:

*Сонда ақын белін буынып,
Алды-артына қаранар.
Дүние кірін жуынып,*

Көрініп ойға сөз салар.

[3, 175].

Такого героя можно сравнить с пушкинским пророком после встречи с серафимом, который преобразовал его физическую и духовную сущность: «отверзлись вещи зеницы», он «внял» (результат действий), после чего поэт готов к выполнению божественной миссии: «глаголом жечь сердца людей». Метафора-идиома «*белін буынып*» созвучна пушкинской сюжетной ситуации о духовном преображении поэта для свершения при помощи Слова великих дел: он пробуждается ото сна / «*Тәңірінің күні жарқырап, Ұйқыдан көңіл ашар көз*», освобождается душа от всего наносного, грязного: неслучайно у абаевского героя наблюдается пристрастие к этой детали: «*кірлеген жүрек*», «*дуние кірін жуынып*», что также свидетельствует о простых, зачастую драматичных отношениях поэта с «толпой» и со «светом». Мотив чудесного преображения поэта в абаевской интерпретации совпадает в отдельных деталях и сюжетных ситуациях с пушкинской интерпретацией действий пророка, услышавшего «глас Бога» и мужественно исполняющего свой гражданский долг обличителя пороков общества после того, как ему был послан знак свыше.

Следует заметить, что вопрос о литературных реминисценциях в абаевских стихах решается в нашей билингвальной среде сложно из-за отсутствия хороших переводов, адекватных, по мнению поэта-переводчика О. Жанайдарова, абаевскому Абсолюту.

В 1898 году Абай создал толгау, аналог европейской философской элегии - «*Өлсем, орным қара жер сыз болмай ма?*» [5]. Стихотворение вмещает в себя целую человеческую жизнь, полную невзгод, борьбы за сохранение человеческого достоинства, и воспринимается как исповедь «человека-загадки» (Абай называл себя «*жұмбақ адам*»), как честный, искренний разговор с современниками и потомками. Несмотря на небольшой объем (28 строк), оно имеет полигенетическую природу: в нем сложно взаимодействуют черты античной, ренессансной и реалистической традиций, освоенных Абаем к этому времени через поэтический диалог с русской литературой и культурой в лице А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского и М.Ю. Лермонтова. Неслучайно в этой философской миниатюре можно обнаружить прямые переключки с «Памятником» А.С. Пушкина.

Абай и ранее, как и его духовные учителя А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов, обращался к этой теме, пытался выразить свое религиозное и жизненно-эмпирическое отношение к смерти и бессмертию. Для него смерть никогда не означала полное небытие личности, хотя он не мог не соглашаться с тем, что она может восприниматься и как своеобразное возмездие, с одной стороны, и как желание приобщиться к бесконечности бытия, с другой. Из русской лирики ему больше импонировал, скорее всего, поэт-философ Е.А. Баратынский, считавший, что в смерти заключена конечная цель существования всего сущего («Смерть дочерью тьмы не назову я...»). Но все же ему был ближе Пушкин с его утверждением продолжающейся после смерти жизни, которое помогало ему «снять» страх смерти, преодолеть

трагизм этого печального события. В «Памятнике» поэт, стремясь подвести итог своей земной жизни, ищет ответ на вопрос о бессмертии и находит ее в творчестве, в служении Словом. Абай, «отталкиваясь» от Пушкина, пытается дать взгляд «сверху» на свое творчество. В пушкинском «Памятнике» подытожено все, о чем было сказано в «Пророке» («Исполнишь волею моей...»). Поэт говорит о результатах своего пророческого служения, приведшего его к единению с народом: «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал, / Что в мой жестокий век восславил я свободу / И милость к падшим призывал [7, 295]. Но для Абая важно и то единственное условие, которому должен следовать, по убеждению Пушкина, поэт: «Веленью Божию, о муза, будь послушна. / Обиды не страшась, не требуя венца, / Хвалу и клевету приемли равнодушно / И не оспаривай глупца [7, 295]. Он осознает, что именно «божие веленье» поднимает поэта на недостижимую духовную высоту, делает его миссию божественной.

90-ые годы были для Абая одним из самых тяжелых периодов в его жизни. В 1891-ом году на сороковом году жизни умирает его младший брат Оспан, к которому Абай был искренне привязан. В 1995-ом году умирает от чахотки двадцатилетний Абдрахман Ускенбаев (1869-1895), старший сын Абая от Дильды. Абиш получил прекрасное образование (окончил в чине подпоручика подпоручика Михайловское артиллерийское училище в Петербурге), знал иностранные языки (известны его переводы с немецкого), помогал отцу переводить с русского на казахский Пушкина, Лермонтова, Крылова, Гете, служил своеобразным «передатчиком» и пересказчиком новинок русской и европейской литературы отцу. Абай тяжело пережил его кончину, выразил свою боль в целом цикле скорбных элегий и плачей-жоқтау: «Алланың рахматын...», «Орынсызды айтпаған», «Көзімнің нұрысыз...», «Тлім, саған айтайын...», «Тұла бойын ұят, ар еді...» и др. С того времени в его творчестве усилились пессимистические ноты, он стал чаще обращаться к теме смерти, подчеркивать свое трагическое одиночество, физическое ощущение им молчания, тьмы, разлитых вокруг. Это становится ведущим мотивом лирики того периода, но явственней звучит в толгау «Өлсем, орным қара жер, сыз болмай ма?...»:

*Соқтықпалы, соқпақсыз жерде өстім.
Мыңмен жалғыз алыстым, кінә қойма!
Жасымда албырт өстім, ойдан жырақ,
Айлаға, ашуға да жақтым шырақ.
Ерте ояндым, ойландым, жете алмадым,
Етекбатсы көп көрдім елден бірақ.*

[5].

Абай признается, что «тяжелым и тернистым был его путь», он «живой, за все платил сполна», «боролся с тьмой, как мог...»:

*Прозрел с годами, сделался разумней.
Но все ж до совершенства не дошел.
Мешали мне... Никто мне не помог
Свободы я не знал.. Спаси вас бог*

От этой доли... Пожалей, потомок,
Того, кто скорбен был и одинок!
[7].

В такой атмосфере участь одного из первых (и на тот момент, возможно, единственного такого масштаба) казахского интеллигента представляется еще более драматичной. Если русские писатели сетовали на недостаток общения с себе подобными, на отсутствие условий для социального творчества и полноценной самореализации, то Абай быш лишен таковых вовсе. Об этом он горько и откровенно говорил в своих философских элегиях-толғау. Абай создает новую литературу, сознательно предпринимает усилия для расширения ее горизонта, поднимается до осознания национальной судьбы как личности, так и всего народа и ставит эти темы в центр своих лирических произведений. Под влиянием русских поэтов и писателей, прежде всего, под влиянием Пушкина и Лермонтова он разрабатывает новый стиль, ставший классическим стилем казахской литературы, более лаконичный, в пределах одной строки вмещающий огромный подтекст, тайный смысл, что порождает перспективы их дальнейших интерпретаций.

В современной ему и предшествующей казахской и русской литературе Абай творчески заимствовал то, что наиболее соответствовало духу национальной словесности. Об этом он образно сказал в стихотворении «Өлең - сөздің патшасы, сөз сарасы»:

*Ынсап, ұят, ар, намыс, сабыр, талап –
Бұларды керек қылмас ешкім қалап.
Терең ой, терең ғылым іздемейді,
Өтірік пен өсекті жүндей сабап [9].*

Поэту важно подчеркнуть суть своей поэзии и смысл деятельности поэта, которой он противопоставляет праздность и безделье. Его слово емкое и многозначное, несмотря на кажущуюся простоту и лаконизм, оно обладает полисемантичностью и порождает множество поэтических ассоциаций и параллелей, реминисценций и аллюзий. В этом можно убедиться, обратившись к сюжетной семантике одной строки из толғау «*Ішім өлген, сыртым сау...*», написанном в 1889 году. Мотив духовной пустоты («внутри я мертв, хотя внешне и здоров») – является сюжетообразующим в данном тексте, при желании можно увидеть внутренние переключки с пушкинскими элегиями 30-ых годов, в частности, с элегией «Когда за городом, задумчив, я брожу...». Абай, как и его учитель, говорит о несостоявшихся мечтах и разрушенных планах. создает особый контекст, в котором появляется слушатель, принимающий активное участие в происходящем. В традиционной устной литературе до Абая такой фигуры незримого в тексте читателя или слушателя не было. Абаевский слушатель - не простой соучастник сюжета. Он вместе с лирическим героем вспоминает былое, мечтает, страдает о том, чего уже нельзя вернуть. Как видим, Абай для передачи своих раздумий и сокровенных мыслей обращался к опыту Пушкина, активно осваивая приемы и средства европейской поэтики. Абай сознательно отказался от многословия, метафор, красноречивых оборотов, присущих казахской устной поэзии, от

витиеватого стиль жыршы и образной диалогической речи акынов, виртуозов в поэтических айтысах. При помощи русских поэтов, прежде всего А.С. Пушкина, он нашел свой индивидуальный стиль, понятный его собеседнику-слушателю: «*Түбі терен сөз артық, бір байқарсыз*» / «Ценнее слово с глубоким смыслом - вы сами это однажды заметите». Для него важно не просто слово, но его глубинные смыслы. При этом поэт постоянно учитывает своего слушателя, которому не только доверяет, но и отличает от других: «*Бұл сөзді тасыр ұқпас, талапты ұғар,/ Көңілінің көзі ашық, сергек үшін*» / Это слово поймет не крикливый, а талантливый. Для того, у кого на душе ясно, сам он чуткий /. Абай по-пушкински с доверием относится к своему слушателю к своему читателю: «*Өлеңі бар өнерлі інім, сізге*»/ Для Вас, мой младший брат, искусный в стихах/. Поэтическому стилю Абая характерно особое скептическое настроение. От Пушкина идет традиция быть честным и правдивым перед собой и своим слушателем, Абай не обходит противоречия действительности, он их открыто высмеивает и бичует. Но при этом он далек от крайней односторонности, и этим он отличается от своих предшественников - народных акынов или Махамбета, Абай предугадал многое из появившегося намного позже, он всегда объективен, о чем бы он ни писал, он ищет целостность и гармонию мира, мыслей и чувств:

Жүрегім, нені сезесің,

Сенен басқа жан жоқ па?

Дуниені, көңілім, кезесің,

Тиянақ жоқ па, қой, тоқта! [1,272].

Абаевская интонация ощущается и в подстрочном переводе: «Сердце мое, что ты чувствуешь?/ Разве нет, кроме тебя другой души?/ Душа моя, весь мир ты обходишь,/ Разве нет покоя, стой, остановись!».

Хотелось бы подчеркнуть, что мотив «тиянақ» (в значении постоянство, которое должно определять порывы души каждого) - это мера, необходимая во всем, представляется поэту как представителю восточной ментальности одним из решений существенных проблем. В последней строке впечатление всеохватности заключается в особой емкости, сжатости, некоторой недосказанности, которое можно воспринимать как специальный стилистический прием. Так, в пределах одной фразы Абай создает потрясающий эстетический эффект лаконичностью художественных средств. Очевидно, это необходимо поэту для совмещения разных точек зрения. В одном предложении поэт устанавливает небывалую гармонию и покой, упорядоченность мысли, и ими пытается заменить неупорядоченность самой жизни.

Гармонизация реальности у Абая не устраняет противоречий самой действительности, внутреннего мира человека и отдельных событий. Но они у Абая лишены резких обозначений, драматизма несовместимости. И это существенно. Стиль Абая как бы умеряет (но не устраняет) существующую дисгармонию, тем самым ее преодолевая. Все подчинено логике разума. Абай подчеркивает гармонию природы и красоты. Он ищет в эмоции не индивидуальное, а всеобщее, поэтому всегда находит стилевой противовес;

*Өлсе өлер табиғат, адам өлмес.
Ол бірақ қайтіп келіп, ойнап – күлмес.
«Мені» мен «менікінің» айрылғанын
«Өді» деп ат қойыпты өңкей білмес*

[1, 218].

Абай утверждает, что душа бессмертна, физическая смерть в это только раздвоение «меня» и «моего», как и А.С.Пушкин, утверждает неповторимость и ценность каждой человеческой жизни. Абай делится мыслью о том, что человек не всегда понимает свое предназначение, пока не задумается действительно о самом главном - «терен ой / глубокие думы», размышлении о сути и бренности бытия, о короткой дистанции между жизнью и смертью. Особенно явственно эти мысли звучат в стихах, посвященных смерти сына Абдрахмана. Почти все они заканчиваются фразой: «*Сабырлық қылсақ керекті*» / «сохранять нужно спокойствие» Это не случайные слова. Поэт призывает себя и слушателей к пониманию более общих законов жизни, неподвластных желаниям отдельных личностей. Стихи эти – не просто плач отца по сыну, а размышления поэта о неестественности смерти молодого человека в расцвете творческих сил. Не случайно в этом стихотворении повторяются слово «сәуле»: «*Сәулең болса басыңда, / Кімді көрдің бұл сынды?*», «*Жатқан надан не білер, / Көңілге сәуле толмаса?*» [1, 223]. Слово это является ключевым в понимании эстетической сущности поэзии Абая. «Сәуле» в этом контексте означает стремление к свету и к высшим истинам, посвященность в высокое понимание всего сущего, подвластного сильному интеллекту:

*Жаңа жылдың басшысы - ол,
Мен ескінің арты едім.
Арман деген ащы сол,
Сүйекке тиді, қарт едім [1, 225].*

(Подстрочный перевод: Начало новой жизни –он / Я старого завершение./ То, что называем мечтой, горькое, / Пронзило до костей, стар я).

Абай со свойственной его стилю лаконичностью выразил социальный смысл потери сына, представителя нового поколения. Себя он при этом видит завершающим «старое» поколение уходящих «отцов». В последних двух строках, пожалуй, впервые в казахской литературе Абай признается, что, оказывается, мечта бывает горькой: появилося неожиданное сочетание «*Арман деген ащы сол*». Мечта всегда была сладкой, это чувство светлое, прекрасное, так привычно воспевала ее вся устная поэзия жырау и акынов Абай использует здесь оксюморон, соединение различных тонов, но не противоположных по значению, а чем-то неуловимо близких. В этом он сродни А.С. Пушкину: «Печаль моя светла, печаль моя полна тобою». Как пушкинские, так и абаевские строки поражают нетрадиционностью сочетания, гармония в них обнаруживает себя не в отборе односторонне соединяемого, но в возможности соединить во взгляде на предмет различные, но не полностью контрастные точки зрения. Последняя строка по своему завершающему смыслу потрясает своей прозаичностью, не только по форме произношения, но и сочетанию казалось бы, простых слов: «*Сүйекке тиді,*

қарт едім» / Пронзило до костей, стар я». После запятой это грустное, обреченное и в то же время объективное, точно выражающее в данной ситуации безысходность потери: «стар я». Скорбь нескрывается, ее невозможно передать эмоционально: Абай скорбит о потере, сын для него был опорой, надеждой: «Қайғы болды, күйгендей, / Ол қуатым еді рас». Смерть сына и реакция отца переданы через процесс, буквально, как от удара камчи выступила слеза: «Көзге қамшы тигендей / Шыр айналды артқы жас». Точность описания создает впечатление физического его ощущения, понятного автору, слушателю-читателю, включенному во все, что творится в душе поэта. Читая эти строки, просто физически ощущаешь боль от камчи, настолько поэт точен в показе эмоционального состояния человека. Как видим, Абай показывает осмысление трагедии человека как философской категории. И в этом можно увидеть результат творческого освоения им традиций европейского реализма.

Пушкинская философия жизни пронизывает психологическую миниатюру-элегию Абая «Желсіз түнде жарық ай» / «Безветренной ночью ясная луна...» [8]. Исследователи считают это стихотворение наглядным опытом творческого освоения Абаем пушкинских традиций изображения природы. Понятно, что казахская поэзия времен Абая имела свою систему устойчивых мотивов, характеризующих ее эстетическое своеобразие. Абаевский пейзаж лиричен, чист и отличается особой просветленностью. Он живописен и в то же время предельно психологичен, поэт описывает степную природу, то есть насыщает сюжет сугубо национальными красками. Идиллия, господствующая в природе, отвечает настроению молодых героев: желсіз түнде жарық ай; суда дірілдеген сәуле; тасыған өзен (тихая ночь, луна как челнок, полночь, луч, дрожащий в воде, бурлящая река). Абай использует звуковые эффекты: его герои слушают в полной ночной тишине шум реки, текущей по камням, беседу листьев дремлющих деревьев, дальний гул гор. Стихотворение двучастное (влияние А.С. Пушкина и вообще русской классики), Абай использует принцип симметрии: в десяти строках описана природа и жизнь ночного аула, следующие десять стихов – описание психологического состояния героини, решившейся прийти на свидание. Поэт любуется ее смелостью, не осуждает, он тайный ее наперсник, радуется любви, зарождающейся на его глазах, свободе чувств и интимному человеческому счастью. Как в стихотворениях Пушкина, здесь человек и природа стремятся к подлинной гармонии и обретают ее, сливаются с ней. Чувства и переживания абаевских героев перекликаются с явлением природы, как бы дополняя, оттеняя друг друга или контрастируя между собой.

Другим способом общения казахского поэта с русской культурой и литературой явился перевод. Общеизвестно, что художественный перевод, благодаря которому в международные контакты активно вовлекается огромное количество иных культур на разных языках, является одним из важнейших актов коммуникации. Особое место в этом процессе занимает литературная классика, переосмысленная с новых позиций и вовлеченная в диалог культур. Она наполняется новым содержанием, открывается новыми

гранями, ранее не исследованными. Классическим примером диалога русской и казахской культур является история переводов Абаем и его учениками пушкинского романа «Евгений Онегин». Знание русского языка позволило Абаю достаточно тесно познакомиться с русской и мировой поэтической культурой. По русским переводам он хорошо изучил поэтическое творчество Байрона и Гете, был неплохо знаком с античной литературой. Вместе со своими ссыльными друзьями поэт проштудировал немало философской литературы, в том числе Спенсера, Спинозу, Бокля, Милля, Дрепера, Дарвина. Но А.С. Пушкин, без сомнения, был для него настоящим учителем. М.О. Ауэзов отмечал, что именно «Пушкин открыл Абаю все богатство русского языка» [1, с.502]. Переводческая лаборатория Абая поистине уникальна и до сих пор поражает своей неисчерпаемостью. Во многих случаях Абай-переводчик выступал как вдумчивый читатель оригинала, в данном случае, пушкинского текста. Абай в 1887-1889 годах осуществил перевод романа Пушкина в виде цикла, состоящем из писем и монологов трех главных героев и одной пор- третной характеристики Онегина, написанных Абаем в жанре писем: «*Татьянаның Онегинге жазган хаты*» («Письмо Татьяны к Онегину»), «*Онегиннің сипаты*» («Портрет Онегина»), «*Онегиннің Татьянаға жауабы*» («Ответ Онегина»), «*Онегиннің сөзі*» («Слово Онегина»), «*Онегиннің Татьянаға жазган хаты*» («Письмо Онегина к Татьяне»), «*Татьяна сөзі*» («Слово Татьяны»), «*Ленский сөзінен*» («Из монолога Ленского») и, наконец, «*Онегиннің өлердегі сөзі*» («Предсмертное слово Онегина»), которого нет в сюжете романа А.С. Пушкина. При этом он достаточно точно интерпретировал авторскую тактику и интуитивно верно определил авторскую стратегию. Но следующую переводческую задачу: воспроизвести текстовую тактику и передать стратегию, используя возможности казахского языка - решил довольно своеобразно. Опираясь на индивидуальное восприятие пушкинского романа, Абай допустил произвольные отклонения от текста, предложил свою интерпретацию пушкинского текста в музыкальном сопровождении: исследователи называют популярные до сих пор четыре мелодии, которыми Абай сопровождал исполнение своих восьми песен. В них он использовал не только казахские, но и русские народные напевы. Благодаря этому художественному приему роман А.С. Пушкина стал не просто актом межъязыковой, но и культурной коммуникации, способствовал сближению культур двух народов. Неслучайно в некрологе, появившемся в 1907 году в «Записках» Русского Географического общества, отмечалось, что «в 1899 году в Кокенской волости киргизский певец Адылхан предложил нам послушать «Письмо Татьяны» под аккомпанемент его скрипки. На наше удивление, откуда он знает «Письмо Татьяны», Адылхан, не без гордости указав на себя, пояснил, что у русских был такой же, как он, певец-«акын» Пушкин, который воспел, как Татьяна-«сулу» (красавица) полюбила джигита Онегина, которому и написала письмо! В тот же вечер Адылхан, знающий много оригинальных стихов Абая, спел нам несколько его переводов из Лермонтова и Пушкина. Впоследствии автору этих строк пришлось убедиться в том, что в киргизской

степи в разных уездах «ахыны» знали и распевали переводы Абая из Пушкина и Лермонтова» [2, с.5].

Абай при переводе пушкинского романа ориентировался, прежде всего, на вкусы и менталитет своих слушателей (читателей). Он прекрасно понимал, что его аудитория, в большей степени воспитанная на классических восточных дастанах о любви, может не понять в полной мере драму отношений Онегина и Татьяны. Поэтому Абай очень осторожно подошел к выбору отрывков для перевода. Хотя, как пишет Такен Алимкулов в своей книге «Жұмбақ жан» /«Загадочная душа», «образы, названные в русской литературе «лишними людьми», пришлись по душе Абаю. Как духовно близок был Пушкину Онегин, человек бессильный бороться против власти общества, отчаявшийся от жизни, так же он был близок и Абаю» [3, с. 16]. Абай показал себя не только хорошим переводчиком Пушкина, но и поэтом-импровизатором. По мнению профессора Ш.Р. Елеукенова, созданный Абаем цикл можно рассматривать как самостоятельный роман в письмах, написанный по мотивам пушкинского романа: роман Абая не укладывается в рамки традиции «назира». К нему не подходят и принятые нормы художественного вольного перевода [4, с. 178-200]. Ш.Р. Елеукенов доказывает, что Абай создал новое произведение «Татьяна и Онегин», которое в лучших традициях восточной литературы можно озаглавить как «Татьяна-Онегин» и поставить в один ряд с известными восточными лирическими дастанами о любви. Более убедительна и доказательна позиция известного переводчика Г.К. Бельгера, который считает эту проблему почти неразрешимой: «Многие крупные исследователи (М. Ауэзов, З. Ахметов, М. Габдуллин, М. Каратаев, Г. Мусрепов, М. Базарбаев, Ш. Елеукенов) - кто мимоходом, вскользь, кто основательно, дотошно - затрагивают эту тему, но ни один из них так и не решился с абсолютной категоричностью отнести переводческий опыт Абая к конкретному типу перевода. Это и невозможно. Легче всего отнести перевод Абая из «Евгения Онегина» к вольному, свободному, избирательному, к назире, но в любом случае это будет односторонней трактовкой» [5, с.74]. Роман А.С. Пушкина написан четырехстопным ямбом, удобным для русских поэтов и читателей, а для казахов, воспитанных на иной художественной традиции, такой способ был трудным и недоступным для восприятия (доказательством этому служит перевод пушкинского романа И. Жансугуровым). Казахская силлабика не позволила переводчику смелые эксперименты с размером, но Абай, как и Пушкин, сознательно стремился расширить смысловые и ритмико-мелодические возможности казахского стиха, разнообразить строфику, рифму, ритмику, использовать элементы тоники.

Исследователи считают, что близким к оригиналу является лишь первое письмо Татьяны, которое под названием «*Амал жоқ – қайттым білдірмей*» («*Татьянаның Онегинге жазған хаты*») было создано в 1889 году. В пушкинском романе «Письмо Татьяны Онегину» состоит из 79 300 строк, Абай сократил их до 76 тысяч. Пушкинская Татьяна обозначает форму излияния своих чувств: «Я к вам пишу...». Абай в начале письма показывает

состояние своей героини, которая решилась сказать о том, что накопилось у нее в душе и готова нести за это кару:

*Амал жоқ - қайттым білдірмей,
Япырмау, қайтып айтамын?
Қоймады дертің күйдірмей,
Не салсаң да тартамын... [6].*

И лишь в следующей строфе мы узнаем об эпистолярной форме ее обращения к Онегину. Абай-переводчик не упоминает о том, что письмо написано по-французски, ему важно передать накал страстей, одолеваемых героиней, он подчеркивает, что она сама осознает сложность ситуации (ей приходится первой признаваться в любви мужчине), но все же она надеется на взаимность или понимание. Переводчик учитывает особенности менталитета казахских девушек, понимает, что перед ним стоит сложная задача: раскрыть в пределах одного текста глубину характера Татьяны, поэтому старается рассказать об этом на понятном слушателям (читателям) языке, при этом он не прибегает к заменам, находит соответствия, которые близки оригиналу, этому подчинен и перевод стилистических приемов. К примеру, пушкинские строки: «Другой...нет никому на свете / Не отдала бы сердца я / То в вышнем суждено совете... / То воля неба: я твоя;/ Вся жизнь моя была залогом / Свиданья верного с тобой; / Я знаю, ты мне послан богом, / До гроба ты хранитель мой... [7, с.59] - Абай переводит следующим образом:

*Өзгеге ешбір дуниеден
Еркімен тимес бұл жүрек.
Әзелде тағдыр иеден,
Қожам – сенсің, не керек.
Тіршілігім – құрбандық,
Шыдамай сені көргенше.
Тәңірімнен келген бұл жарлық,
Ием – сенсің өлгенше [6].*

Абай-переводчик сохраняет напряженный эмоциональный тон, его Татьяна, так же, как и пушкинская героиня, предельно откровенна, ничего не скрывает, честна и прямодушна. Она считает Онегина человеком необыкновенным, способным ее понять, поэтому обнажает перед ним свою душу. В конце письма она жалеет себя, корит за искренность («*Өз хатыма өз көзім / Ұялып, қорқып баға алмас*»), но не отказывается от своего намерения. Абай подводит своих читателей к мысли, что это - поступок, действие, достойное восхищения.

Остальные переводы отдельных отрывков из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» можно рассматривать как тексты, созданные по мотивам пушкинского романа. «*Татьянаның Онегинге жазған хаты*» является завязкой сюжета абаевского романа. Следующая часть этого песенного монолога-исповеди называется «*Онегиннің сипаты*»: «*Жасынан тусін билеп, сыр бермеген...*» и представляет собой перевод отдельных строф первой главы романа. Она состоит из 34 строк, Абай перевел полностью 10-ую и 11-ую строфы и 6 строк из 12-ой строфы и составил полный психологический

портрет Евгения Онегина, передав в точном соответствии все содержание пушкинского сюжета об Онегине. Этот перевод можно назвать первым опытом создания в казахской литературе психологической новеллы. К тому же Абай сохраняет пушкинское количество строк, но отказывается от казахского семи-восьмисложника и использует привычный для казахской народной поэзии размер - одиннадцатисложник («қара өлен»).

Сюжет находит развитие в «Ответе Онегина» - «*Хатыңнан жақсы ұғындым сөздің бәрін...*» (подстрочный перевод: «Я все понял из твоего письма...»). Оно представляет собой ответ Онегина на письмо-признание Татьяны: «Вы ко мне писали. Не отпирайтесь. Я прочел...». В оригинале - 70 строк, в абаевском переводе осталось 44 строки. Абай предложил вольный вариант ответа Онегина, но внес свое понимание хода мыслей и поступков героя, то есть его перевод представляет вольное изложение сути пушкинского сюжета об Евгении Онегине. Пушкинский герой признается Татьяне: «Я знаю: век уж мой измерен / Но чтоб продлилась жизнь моя, / Я утром должен быть уверен, / Что с вами днем увижусь я...». Абай заставляет героя страдать и подробно описать свое состояние: «*Менің өмірім таянып тұр, / Үзілуге әм жаным*» / Моя жизнь на исходе, и готова оборваться душа (подстрочный перевод). Таких мыслей нет у пушкинского Онегина. Абай же вставляет эту самохарактеристику для психологического обоснования поведения героя. Кульминацией сюжета переводного романа об Онегине и Татьяне «*Онегиннің өлердегі сөзі*», начинающееся со слов: «*Жарым жақсы киім киіп, / Келді жанға жылы тиіп...*». Оно написано в 1889 году и состоит из 18 строк, которых нет у А.С. Пушкина. Онегин в начале абаевского романа и в конце его - это разные люди. В этом сюжете показан другой Онегин, изменившийся за время странствий, способный любить. Он страдает от того, что в свое время не понял глубину чувств Татьяны, признается, что она смогла рассудку сердце подчинить, ему же суждено одиночество и страдания: «*Сенен баска еш жерден / Таба алмадым орнымды*» (подстрочный перевод: Я не смог найти нигде себе места, такого, как около тебя). В романе А.С. Пушкина использован прием «открытого конца». Но Абай, по мнению Т. Нуртазина, «не желает оставлять Онегина на произвол судьбы, он считает, что тот должен умереть, а не влачить жалкое существование» [8]. Поэтому появилось «*Онегиннің өлердегі сөзі*». Это решение соответствует ситуации в финале романа. Г. Бельгер считает, что «тому, что сделал Абай при переводе избранных мест из «Е.О.», нет аналога в мировой литературе. В восьми отрывках из «Е.О.», выполненных Абаем в 1887-1889 годах (всего 376 строк), изложены квинтэссенция пушкинского романа, его сущностная любовная линия в приспособлении, адаптации к казахской ментальности, к миропониманию и духоустройству казахского слушателя того времени, в извлечениях и трактовке основной канвы повествования, философии, образов и поступков героев романа с учетом духовного заряда и общественных запросов, требований той эпохи, той казахской среды, в которой жил и творил великий одиночка Абай» [5, с.75]. Удивительный абаевский талант воплощения,

«вживления» в культуры разных времен и народов позволил ему как переводчику осуществить диалог русской и казахской культур.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ауэзов М. Абай: роман-эпопея в двух книгах. - Кн. 1. - М.: Художественная литература, 1978.
2. Абай Кунанбаев (некролог) //Записки Семипалатинского отделения РГО. - 1907. -Вып. 3. - С.5.
3. Әлімқұлов Т. Жұмбақ жан. - Алматы: Жазушы, 1972 - 365 б.
4. Елеуқенов Ш.Р. Пушкин и эпистолярный роман Абая // Тан-Шолпан. – 2006 - №4. - С.178-200.
5. Бельгер Г. Этюды о переводах Ильяса Джансугурова. — Алматы: Ғалым, 2001.- 258 с.
6. Пушкин А.С. Татьянаныц хаты //http://www.pushkinlibrary.kz/ Abai_Pushkin/ evgonegjaz. html
7. Пушкин А.С. Евгений Онегин //А.С.Пушкин. Собр.соч. в десяти томах. — т. 6. - М.: Правда, 1978.
8. Нуртазин Т. Абай туралы свз // Оңтүстік Қазақстан. — 1967. - 25 қыркүйек.